

К. пишет о великих и трагических событиях времени: о полете Ю. Гагарина, венгерских уроках 1956, Пражской весне 1968 («Апокалипсис»). Особенно остро ощущает К. кровную связь со «своей Россией», ее простыми людьми, ее трагическими поэтами: «Я просто русским был поэтом / В года, доставшие мне» (Время дано. С. 60).

К. сознательно пренебрегает метафорой, считая ее «бичом XX века», т. к. она мешает естественному чувству жизни, ставит творца над нею. Несмотря на это, К. учился у Пастернака, «многое почерпнул из пастернаковского синтаксиса и ритмико-интонационного строя». Пастернак дорог поэту «духовной емкостью», «неподражаемой доверительностью и причастностью к бытию» (Гармония против безвременья. С. 172).

Программой для этого периода творчества К. является стих. «**Инерция стиля**» (1960). Стиль для К.— «это мужество / В правде себе признаваться», поэтому инерция стиля — самое страшное для поэта, он преодолевал ее молчанием. Большая подборка стихов К. была напечатана в 1961 в альм. «Тарусские страницы», а в 1963 вышел единственный (до эмиграции) его поэтический сб. «**Годы**». В 1960-е К. обратился к драматургии. Его пьеса о Гражданской войне «**Однажды в двадцатом**» в 1965 шла на сцене Театра им. Станиславского. В эмиграции появились еще 2 пьесы — «**Жить хочется (Однажды в двадцать втором)**» и «**Различные точки зрения**», театрам для постановки поэт их не предлагал. Большое внимание привлекла страстная полемическая статья К. «**В защиту банальных истин (О поэтической форме)**».

В 1973 поэт эмигрировал из России, с тех пор он живет в США, в Бостоне. «Стоит ли мой путь таких жертв? Ведь я все равно у разбитого корыта» (В соблазнах кровавой эпохи. С. 181). Под «разбитым корытом» подразумевается сам факт эмиграции, «отъезда в никуда». «Я свободы достиг. / Но стою совершенно один / В мельтешенье пустых / Мыслей, чувств, посягательств, картин» (Время дано. С. 152). Почти в каждом эмигрантском стих. подчеркивается неразрывная связь поэта с родиной, друзьями, звучит чувство вины и покаяние. За счет свободы путешествий и перемещений расширилось поэтическое пространство стихов К., но мысль и чувство сосредоточены на теме родины и чужбины, памяти и смерти. На новой основе возникает перекличка со всей русской лит-рой, утверждение единства творческих поколений русской интеллигенции: «Мы друг к другу прижаты /

И кругом виноваты» (Время дано. С. 281). Палитра чувств в стихах К. необычайно богата и многообразна: от счастья приобщенности к судьбе далекой родины — до стыда и боли, от чувства вины и беды — до высокой ответственности перед жизнью и словом.

К.— автор нескольких поэм («**Танька**», «**Поэма существования**», «**Поэма греха**», «**Поэма причастности**» и др.). В поэме «Танька» (1957) через судьбу бывшей комсомолки, пламенной революционерки, испытавшей все трагедии сталинщины, К. показывает время с его жертвами и палачами. «Ненавидя, страдая, любя», всматривается в судьбу героини, как в собственную. А в поэме «**Сплетения**» (1980), обращаясь к своей родословной, размышляя над разными вариантами судьбы, поэт подчеркивает сплетения времен и судеб: «Я рад, что мне вышло родиться / В стране, из которой сбежал. / Но все — и причастие к небу / И к правде пристрастие мое / (За что и гоним был нелепо, / И изгнан) — во мне от нее» (Время дано. С. 273). Интонация дружеской исповеди соответствует естественности обращения сына к своей суровой матери России, которой он «шепчет стихи, как письмо».

«Я прожил трудную, но наполненную и, в общем, счастливую жизнь. И тому, что я любил, что сделало меня человеком, я, по всей вероятности, буду верен до конца» (В соблазнах кровавой эпохи. С. 163).

Соч.: Годы. М., 1963; Письмо в Москву. М., 1991; Время дано. М., 1992; Гармония против безвременья // Вопр. лит-ры. 1989. № 7; Анна Ахматова и Серебряный век // Новый мир. 1989. № 6; В соблазнах кровавой эпохи // Новый мир. 1992. № 7, 8. Ч. 1; Новый мир. 1996. № 1, 2. Ч. 2.

Лит.: Сарнов Б. Верность себе самому // Сарнов Б. Если бы Пушкин... М., 1998.

Н. Н. Кякшто

КОРИНФСКИЙ Аполлон Аполлонович [29.8(10.9).1868, Симбирск — 12.1.1937, Калинин (ныне Тверь)] — поэт, прозаик.

Родился в семье дворянина, мирового судьи и мирового посредника. Фамилию и дворянство унаследовал от деда: Михаил Петрович Баренцев, одаренный арзамасский крестьянин-мордвин, подростком бежал из дома, окончил Казанскую гимназию, Петербургскую Академию художеств, где за выпускной проект «в коринфском стиле» получил золотую медаль, звание академика и по желанию присутствующего на торжественном акте Александра I фамилию Коринфский.

А. А. Коринфский

Детство К. прошло в родовом имении, в сельце Ртищеве-Каменский Отколок Симбирского уезда. Матери лишился в день своего рождения, отца — в 5-летнем возрасте. Но именно благодаря отцу, страстному любителю поэзии и музыки, К., еще не умея читать, знал наизусть стихи А. А. Фета, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, «явившихся т. обр. первыми учителями его в области изящного» (Автобиография. ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. № 646). Самостоятельно овладев грамотой, К. рано пристрастился к чтению и «в то же время с жадностью прислушивался» «к народному слову, доходившему до него в виде сказок, пословиц, загадок и преданий словоохотливой деревни» (Автобиография. ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 5. № 55). Оставшись сиротой, К. воспитывался родственниками и гувернерами. В 1879 поступил в Симбирскую классическую гимназию, где учился в одном классе с В. И. Ульяновым (См.: Вечернее слово. 1918. 1 июня). С первых классов начал писать стихи, в 5-м издавал рукописный ж. «Плоды досуга», из выпускного класса исключен «за чтение „недозволенных“ книг и знакомство с политическими ссыльными» (Русские писатели. 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 70). В 1886 пытался стать театральным антрепренером, разорился, продал имение. Решив проявить себя на лит. поприще, опубликовал первое стих. в одном из мелких петербургских ж. и почти одновременно рассказ «**Живой покойник**» (Самарская газ. 1886; подпись — Борис Колюпанов). В 1887–88 заведовал симбирским отд. «Казанского листка», сотрудничал в местной печати: «Волжский вестник», «Самарская газ.», «Казанский вестник», а также в столичной: «Русский курьер», «Совр. известия».

В дек. 1889 переехал в Москву, где сотрудничал в ж. «Россия», печатался в «РБ», «Гусларе», «Русском сатирическом листке».

Весной 1891 переехал в Петербург, служил в ж. «Наше время», «Всемирная иллюстрация», в дальнейшем печатался в «Мире Божьем», «Северном вестнике», «Русских ведомостях», «Историческом вестнике» и мн. др. Посещал вечера Я. П. Полонского, Ф. Ф. Фидлера, К. К. Случевского.

С мая-июня 1894 заведовал редакцией ж. «Север», в 1897–99 редактировал его самостоятельно, выступая в нем также с обзорами «Лит-ра в журналистике» (под псевдонимом Присяжный читатель), направленными против «тенденции» в лит-ре и критике, в защиту «чистого искусства»; писал о творчестве В. Я. Брюсова (1897. № 3), Ф. Сологуба (1897. № 17), М. Горького (1897. № 26), М. А. Лохвицкой (1897. № 29, 44; 1898. № 14), К. М. Фофанова (1897. № 48), П. В. Засодимского (1897. № 30), Н. Н. Златовратского (1897. № 46). Одновременно (с 1895 по 1904) состоял помощником редактора «Правительственного вестника» К. Случевского по историческому отделу, где ему принадлежали все историко-этнографические очерки, составившие впоследствии книгу «**Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа**» (М., 1901). С осени 1904 по март 1908 — редактор газ. «Голос правды».

С 1894 начали выходить его книги стихов «**Песни сердца (1889–1893)**» (1894, 1897), «**Черные розы. 1893–1895 гг.**» (1896), «**Гимн красоте и др. новые стихи (1896–1898)**» (1899), «**В лучах мечты. 1898–1905 гг.**» (1906, 1912). Стихи К. — лирика, публицистика, «народные сказания» — имели читательский успех. Критика также не обходила вниманием его творчество (более 400 отзывов); одни сравнивали поэта с А. К. Толстым, Л. А. Мейем, А. Н. Майковым, др. (более взыскательные — И. А. Бунин, В. Я. Брюсов, А. Волынский) отмечали вторичность, косноязычие, многословность его поэзии. В лит. среде творчество К. получило невысокую оценку.

Во время революции 1905–07 К. опубликовал в периодике множество сатирических стих. (под псевдонимами), позднее выпустил книгу «**Под крестною ношей. Стихи 1905–1908 гг.**» (1909), отразившую общее для творческой интеллигенции увлечение революционными идеями, затем разочарование ими.

К. писал для детей стихи и прозу о природе, нравоучительные зарисовки, произведения на исторические темы: «**На ранней зорьке**» (1896, 1903), «**В детском мире**» (1909), «**В родном краю**» (1911) и др., а также много переводил из английских, не-

мецких, французских, польских, армянских и др. поэтов: «Старый моряк» С. Т. Колриджа (1893; 2-е изд.— 1897), «Полное собрание песен Беранже в переводах русских поэтов» (Т. 1–4. СПб., 1904–05), «Песни Баумбаха» (1906, 1912). Был одним из первых переводчиков на русский язык Я. Купалы, с которым встречался и переписывался.

Выросший в приволжской деревне, К. навсегда сохранил интерес к народному слову, собирал и записывал тексты календарно-обрядовой и духовной поэзии Смоленской, Симбирской, Казанской, Олонечкой, Нижегородской и др. губ., изучал и издавал их: «Народная Русь...», «Трудовой год русского крестьянина» (Вып. 1–10, 1904), «В мире сказаний. Очерки народных взглядов и поверий» (1905) и др.; интересовался творчеством писателей из народа, писал о них статьи (в т. ч. о Д. Н. Садовникове, А. Е. Разорёнове), много лет дружил с С. Д. Дрожжиным. Наибольшее значение поэт придавал своим т. н. бывальщинам — стихотворным переложениям сюжетов из исторического прошлого России: «Волга: Сказания, картины и думы» (1903), «Бывальщины: Сказания, картины и думы» (1896, 1899, 1900), «В тысячелетней борьбе за Родину. Бывальщины X–XX веков (940–1917 гг.)» (1917) и др.

Восторженно встретив Февральскую революцию 1917, К. не принял Октябрьскую и ее трагические последствия. Это было причиной фактического ухода от лит. деятельности, одиночества, материальной нужды. Лишь в конце 1920-х К. создал небольшой цикл стих.: «Моя страна», «Рабоче-крестьянская республика» и др. Служил в мелких изд-вах, затем конторщиком, библиотекарем в школе. Жил под Ленинградом, на станции Лигово, с 1929 в Твери, где работал в типографии корректором и умер в безвестности.

Соч.: Стихотворения // Поэты 1880–1890 годов. Л., 1972. С. 420–454. (Б-ка поэта. Б. серия).

Лит.: Белоусов И. А. Воспоминания // Сегодня. Альм. М., 1926. Вып. 1. С. 122–123; Селиванов К. А. Лит. места Ульяновской обл. Саратов, 1969. С. 68–70; Воронин И. Д. Лит. деятели и лит. места в Мордовии. Саранск, 1976. С. 202–203; Малютина А. С. Д. Дрожжин в его переписке с Коринфским // Ученые записки Енисейского гос. педагогического ин-та. Вып. 5. Красноярск, 1963. С. 65–92; Николаева Л. А. Биографическая справка // Поэты 1880–1890 годов. Л., 1972. С. 414–420. (Б-ка поэта. Б. серия); Лиокумович Т. Первый переводчик Янки Купалы // Волга. 1982. № 7; Иванова Л. Н. Архив С. Д. Дрожжина // Лит. архив. Материалы по истории русской лит. и общественной мысли. СПб., 1994. С. 73–75.

Л. Н. Иванова

Б. П. Корнилов

КОРНИЛОВ Борис Петрович (печатался за подписью Б. Корнилов (Вербин)) [16(29).7. 1907, с. Покровское Семеновского у. Нижегородской губ.— 1938, в заключении; точная дата смерти и место захоронения неизвестны] — поэт.

Родился в семье учителей. В 1910 переехал вместе с родителями в с. Дьяково, где прожил до 1922, затем до конца 1925 жил в г. Семенове. Там же окончил среднюю школу, работал инструктором укома комсомола. Первое стих. «На моря» опубликовано в газ. «Молодая рать» (Нижний Новгород) 28 апр. 1925. До этого писал много стихов (позднее не воспроизводившихся) в стенгазетах, а также для местного молодежного театра «Синяя блуза». Родители его происходили из крестьян, с трудом выбившихся в деревенские учителя. Они хорошо, до пятого колена, знали своих предков; быт их, несмотря на учительское положение, был по своему укладу крестьянским. Края вокруг Семенова были дремучие, староверские, с твердыми нравственными устоями, отраженными знатоком этих мест А. Мельниковым-Печерским. С детства К. хорошо знал и староверские обычаи, и русский традиционный, сказочный и песенный фольклор. Легендарное озеро Китеж раскинуло свои воды, таившие, по преданию, колокольный звон, в тех же краях. Свою сказочно-дремучую детскую родину К. никогда не забывал, и она то и дело всплывала в его стихах, в т. ч. и «городских», уже в Ленинграде, подобно китежскому потаенному звону.